

ТАТЬЯНА ВОРОНЦОВА

Две женщины и мужчина на прекрасном острове Корфу, клубок запутанных интимных проблем. Все так просто — и все так безумно, безумно сложно! Любовь втроем — возможно ли это?
Журнал TRAVELER

В отрочестве мы под большим секретом давали почитать такие книги «на одну ночь!» друзьям.
Елена Жукова, фотомодель

Морской Змеи

Они договорились не задавать друг другу вопросов. Молодые, красивые, страстные, они встретились на маленьком греческом острове Корфу, чтобы пережить самое невероятное, безумное, восхитительное, убиивственное, лучшее... самое фантастическое лето в своей жизни. Лето, когда тщательно скрываемое прошлое напомнило о себе чередой событий, предвидеть которые не мог ни один из них...

TOP STYLE

Татьяна Воронцова

Морской змей

Серия «Время запретных желаний»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/168637>

ISBN 978-5-17-126603-5

Аннотация

<p>Они договорились не задавать друг другу вопросов. Закрывать глаза и повернуться к прошлому спиной! Прекрасная мечта, на деле она неосуществима – в этом очень скоро убедились и Лиза, и Джемма, и Венсан. Молодые, красивые, страстные, эти трое встретились на маленьком греческом острове Корфу, чтобы пережить самое невероятное, безумное, восхитительное, убийственное, лучшее самое фантастическое лето в своей жизни. Лето, когда тщательно скрываемое прошлое напомнило о себе чередой событий, предвидеть которые не мог ни один из них...</p>

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Воронцова

Морской змей

*Когда, закрыв глаза, я в душиный вечер лета
Вдыхаю аромат твоих нагих грудей,
Я вижу перед собой прибрежия морей,
Залитых яркостью однообразной света;*

*Ленивый остров, где природой рождены
Деревья странные с мясистыми плодами;
Мужчин с могучими и стройными телами
И женщин, чьи глаза беспечностью полны.*

*Шарль Бодлер. Экзотический аромат.
Перевод В. Брюсова*

Глава 1

Еще одна ночь в двухэтажном каменном доме с высокими потолками и огромными полупустыми комнатами, насквозь продуваемыми утренним бризом, окончательно убедила ее в том, что принятое неделю назад решение было правильным. Открыть глаза, потянуться всем телом под тонким тканевым одеялом, вдохнуть полной грудью, впитывая запахи кипарисовой рощи и блещущей в просветах между стволами морской воды... Прогнать все мысли. Застыть прозрачным кри-

сталлом в самой сердцевине текущего мгновения.

Застыть, да. Она лежит неподвижно, не открывая глаз, слушая свое легкое дыхание, звон цикад в листве да нескончаемые сладостные стоны за стеной. Семь утра, а эта безумная итальянка и этот абсолютно безумный француз уже всю предаются пороку. Все двери распахнуты настежь (фобия Джеммы сформировалась в подростковом возрасте, когда за малейшую провинность ее запирали в комнате наедине с молитвенником и набором для рукоделия и держали там по нескольку дней, подавая пищу в строго определенный час – в то время ее родители еще надеялись вырастить из нее «скромную девушку, пригодную для замужества»), так что при желании можно уловить ритмичное поскрипывание кушетки (фобия Венсана иного рода – он навсегда потерял способность заниматься любовью в постели, с тех пор как перебрал спиртного на вечеринке в доме своего школьного друга, а наутро обнаружил у себя под боком роскошную блондинку с перерезанным горлом), шепот Венсана и его же гортанные смешки, которыми он реагирует на выкрутасы партнерши. Иногда он нашептывает свои непристойности по-английски, чтобы все могли его понять, а иногда, забывшись, по-французски. В этом случае Джемма кричит возмущенно: «*Sfacciato! Libertino!*»¹ – тем самым давая понять, что безоговорочно одобряет его действия.

Пойти присоединиться к ним? О нет, слишком рано. Семь

¹ Наглец! Развратник! (*итал.*)

утра, господи боже мой! Эти двое совсем спятили. Лиза переворачивается на другой бок и закрывает глаза. Заснуть, конечно, не удастся, но хотя бы просто понежиться в постели, предвкушая еще один солнечный, упоительно беззаботный день.

С Джеммой она познакомилась в Керкире, в ювелирной лавочке, где выбирала серьги из черного серебра с традиционным греческим орнаментом. Выбор был невелик, но один из вариантов ее вполне устраивал. Она уже готова была сказать «да», как вдруг стоящая рядом молодая черноволосая женщина ослепила ее улыбкой и молча протянула ей серьги, которые только что примеряла сама. Изящные серебряные серпы со вставками из голубой эмали. Лиза примерила их, и ее светлые глаза наполнились аквамаринным блеском.

– *Magnifico!*² – прошептала восхищенная итальянка (в том, что она итальянка, можно было не сомневаться) и добавила на прекрасном английском: – Забирайте их. Эти серьги ваши. Их сделали для вас.

– Но ведь вам они тоже понравились, – возразила Лиза, в глубине души разделяя уверенность незнакомки в том, что эти серьги сделаны специально для нее.

Та пожала плечами – жест, исполненный бессознательной грации.

– Не имеет значения. Мне подойдут любые.

² Великолепно! (*итал.*)

Пока Лиза расплачивалась и выслушивала благодарственную речь хозяйки магазина, итальянка вышла под яркое июньское солнце и растворилась в лабиринте узких улочек Старого города.

Они снова встретились спустя два часа на стенах Фортезы – знаменитой византийской крепости XVI века. Далеко выступающий в море мыс с отполированными водой и ветром крутыми каменистыми склонами был будто изначально предназначен для строительства неприступной крепости, отделенной от остальной части города глубокими рвами и толстыми каменными стенами. По мосту Лиза перешла через первый ров, постояла немного под сводами крепостных ворот (сорок градусов в тени – это вам не шутка!), перешла через второй ров, по лестнице спустилась в длинный, извилистый тоннель и, пройдя его до самого конца, свернула на дорожку, ведущую к заброшенным казармам. Другая тропа привела ее на следующий уровень, так называемую вторую линию обороны. Там ее внимание привлекла церковь Агиос-Георгиос – внушительных размеров храм, сложенный из массивных каменных блоков, с портиком и шестью приземистыми колоннами дорического ордера. Лиза отошла подальше, навела объектив фотоаппарата на освещенный солнцем фасад и вдруг увидела (да-да, прямо через объектив), что из храма выходит та самая итальянка. Выходит, достает из сумки солнцезащитные очки, сбегает по ступеням и, заметив одиноко стоящую посреди площади Лизу, радостно

машет ей, точно старой знакомой. Под палящими лучами полуденного солнца они еще раз взглянули друг другу в глаза и поняли, что расстаться уже не смогут.

Что не смогут расстаться никогда.

Нет, заснуть определенно не удастся. Слышно, как по грунтовой дороге, петляющей по склону горы, взбирается какая-то развалюха с кашляющим мотором. Ну конечно... Никос, фермер из Лаконеса, привез молоко, козий сыр и творог. И поскольку эти сластолюбцы за стеной в ближайшее время навряд ли обнаружат желание подпрыгнуть и устремиться к воротам, встречать прибывший точно по расписанию завтрак сегодня придется ей, бедной русской девушке.

– Лиз! – доносится из соседней спальни хриплый голос Венсана. – Никос приехал.

– Слышу.

Еще бы не слышать! Чертов грек сигналил так, что все цикады в саду попадали в обморок от страха.

– Пожалуйста, детка, – умоляет Венсан. – Я знаю, сегодня моя очередь, но во имя человеколюбия...

– Я известна как неисправимый мизантроп.

– ...и после этого делай со мной что захочешь.

Она уже на полпути к лестнице (халат на голое тело, в руке расшитый бисером кошелек), но его последние слова заставляют ее обернуться.

– Уж я взыщу с тебя, грязный галл! Ты у меня наплачешься!

В ответ раздается дружный стон. Джемма стонет от восторга, Венсан – от ужаса. Лиза смеется, представляя себе их лица, тщательно застегивает халат и сбегает по лестнице вниз.

– Хэретэ, мадам! – кричит Никос, пока она пересекает затененную веранду.

Шелковый подол халата с шелестом струится вокруг коленей, каменные плиты веранды холодят босые ступни.

– Хэретэ, – отвечает Лиза, подходя ближе. И без передышки выдает заранее отрепетированную фразу: – Пос панэ та прагмата?³

Смуглый грек, напоминающий пирата из команды капитана Кидда, улыбается до ушей. Он уже не молод, но пышные усы и шляпа набекрень придают ему бравый и даже разухабистый вид.

– Эндакси, – отвечает он, энергично кивая головой, чтобы до нее как следует дошло. – Эндакси⁴.

Древний, как ящер, «форд-пикап» каким-то немислимым образом разворачивается на узкой дороге (надсадный рев мотора, клубы пыли, камни из-под колес – все по полной программе) и начинает спуск. Стоя у калитки, Лиза еще некоторое время провожает его глазами, а когда он скрывается за поворотом, не спеша поворачивается и идет через сад к дому. Босые ноги осторожно ступают по нагретым солнцем

³ Как дела? (*греч.*)

⁴ В порядке (*греч.*)

щербатым плиткам с проросшей сквозь стыки травой. Корзинка с завтраком тихонько поскрипывает в руке.

Джемма уже на кухне, мерной ложкой засыпает в кофейник молотый кофе. На ней черный кружевной бюстгальтер и короткие джинсовые шортики с разрезами по бокам. Услышав шаги, она поднимает голову, и лицо ее озаряется улыбкой.

– Прости, любовь моя. Этот парень выпил всю мою кровь. Ты ведь не сердись?

От ее жгучей красоты Лиза, как обычно, на мгновение слепнет. Длинные загорелые ноги, наливные груди... Неудивительно, что Венсана, до глубокой ночи резвившегося в спальне с двумя ненасытными тигрицами, под утро опять разобрало.

– Сержусь.

Она ставит корзинку на стол и приподнимает салфетку. Свежий творог, сыр, баночка меда (о, как это кстати!), домашний хлеб, пирожки... Побросав чашки-ложки, Джемма подбегает к ней, двумя руками поворачивает к себе ее лицо, целует в нос, в глаза, в щеки. Лиза со смехом отбивается.

– Кончай, глупая корова! Мы перевернем стол!

– Не смей называть меня коровой, ты... вешалка для шляп!

Когда Венсан наконец-то находит в себе силы покинуть ложе и спуститься к завтраку, взору его предстает чудная картина: две интеллигентные девушки, блондинка и брю-

нетка, которые накануне с восторженным блеском в глазах рассматривали экспонаты Археологического музея, катаются по полу, как похотливые кошки, и с истерическим хохотом щиплют друг друга за мягкие места. Их оголенные бедра и покрасневшие лица вызывают у него некое смутное томление, но усилием воли он это преодолевает. Сколько можно, в конце-то концов!

Так, заново отмеряем ложечкой кофе, наливаем холодной воды, ставим кофеварку на газ. Пепельница... где пепельница? Подчеркнуто игнорируя повизгивания за спиной, Венсан закуривает сигарету и занимает стратегическую позицию у плиты, время от времени мечтательно поглядывая в окно, но не забывая про медленно закипающий кофе.

Постепенно девочки успокаиваются и начинают приводить себя в порядок. Поправляют одежду, приглаживают волосы. Лиза вспоминает, что еще не умывалась, и бежит в ванную. Остальные накрывают на стол и строят планы на сегодняшний день.

Их дом – один из немногих на Корфу, где есть настоящая ванная в современном смысле этого слова. К тому моменту, когда мечта снять дом на все лето и забыть про городские отели наконец осуществилась, Венсан уже успел пересмотреть кучу домов вблизи от деревень и в отдалении, на побережье и на склонах гор – но ванна была далеко не во всех. Между тем Венсану, как и всякому цивилизованному европейцу, было свойственно мыться. Мыться часто и всерьез,

используя мыло, мочалку и более-менее пресную воду. Он продолжил поиски. А когда они увенчались успехом, хозяин особняка заломил такую цену, что чистоплотный француз крикнул и пошел полоскаться в морской водичке. А через несколько дней познакомился с Лизой и Джеммой. Вернее, они познакомились с ним.

С влажными после душа волосами Лиза садится к столу и протягивает руку за куском хлеба.

– *Bonjour, ma petite*⁵, – приветствует ее Венсан, как будто они еще не виделись. В руке у него кофейник. – Тебе с сахаром и со сливками?

Он прост и приятен в общении, как может быть приятен только настоящий француз. Находчив, покладист и открыт для любых экспериментов. Возможно, у него и есть какие-то недостатки, но пока что ни Лизе, ни Джемме не удалось обнаружить ни одного.

– *Non, chere*⁶, – отвечает Лиза, призвав на помощь свои школьные знания. – С сахаром, но без сливок.

– А может, поехать в залив Сидари и посмотреть на эти знаменитые, подточенные водой скалы? – рассуждает Джемма, листая путеводитель. – Судя по картинкам, там красиво.

Она уже полностью пришла в себя после утренних баталий и сидит за столом свежая и опрятная. Густые кудри собраны в хвост, свисающий до середины спины.

⁵ Доброе утро, малышка (*франц.*).

⁶ Нет, дорогой (*франц.*).

– На картинках все красиво, – пожимает плечами Лиза, хотя серьезных возражений против поездки на север у нее нет.

– А ты что предлагаешь? Лежать с утра до вечера на пляже, нагуливая жирок? Впрочем, тебе это не повредит.

– Да и тебе тоже.

– О нет, с меня хватит. На мне и так уже все штаны трещат по швам. – Джемма со смехом похлопывает себя по бедрам. – Если я буду и дальше такими темпами наращивать задницу, боюсь, наш мальчик не совладает с таким избытком плоти.

– Ну, жалоб мы пока не слышали, – замечает Лиза, одобрительно разглядывая ее аппетитные формы. – И вообще, как мне кажется, французы предпочитают женщин в теле. Что скажешь, Венсан?

Венсан молча уплетает творог, смешанный с изюмом и сдобренный тимьяновым медом. Подливает себе еще кофе, намазывает маслом рогалик. Все это – с видом человека, абсолютно довольного собой. Управившись с завтраком, он блаженно откидывается на спинку стула и закуривает сигарету. Между тем девушки выжидательно смотрят на него, явно ожидая ответа на какой-то недавно прозвучавший вопрос.

– Что? – переспрашивает он с невинной улыбкой.

Лиза и Джемма обмениваются многозначительными взглядами, точно две медсестры, только что получившие возможность убедиться в правильности поставленного доктором диагноза. Ох уж эти его грезы наяву!

Приходится начинать все сначала. Они смеются и болтают, упиваясь ощущением безоблачности своего счастья. Огромный дом в кипарисовой роще и трое безумцев, едва знакомых друг с другом, но готовых довольствоваться тем, что есть. Никаких скелетов в шкафу. Никаких проблем. Никаких обязательств.

Прислушиваясь к звучанию трех разных голосов (медлительному, хриловатому – Венсана; звонкому, жизнерадостному – Джеммы; и своему – неестественно ровному, чересчур старательно выговаривающему английские слова), Лиза впервые задумывается о том, что, общаясь друг с другом, ни один из них не говорит на своем родном языке. Забавно. И символично. Сойтись на нейтральной территории, как представители различных видов, рас, племен. Сойтись и попытаться достичь взаимопонимания.

– Ну что? Ну что? – тормозит всех Джемма. – Мы едем или нет? *O mamma mia!* С вами можно всю жизнь просидеть на одном месте! Или как же это... – Повернувшись к Лизе, она нетерпеливо щелкает пальцами. – Напомни мне... ну, то русское выражение...

– Остаться у разбитого корыта.

– Да, точно!

– Корыто? – переспрашивает Венсан. – Что еще за корыто?

Пока происходит мытье посуды и смахивание крошек со стола, Лиза рассказывает им «Сказку о рыбаке и рыбке».

Венсан морщится, ему не нравятся истории, в которых есть мораль. Хотя определенное удовольствие все равно получает, подтрунивая над Джеммой, способной извлечь мораль даже из забытой на столе пачки сигарет. Сам он редко снисходит до продолжительных монологов, но когда снисходит, послушать его одно удовольствие. Правда, его интерес простирается в основном в сферы магии, демонологии и алхимии. Он – мифотворец, день за днем творящий свой собственный миф, измышляющий собственную космогонию.

– Ну все, пошли, – торопится Джемма. – Венсан, ты убрал постель?

– Зачем? Вечером все равно разбирать.

– Бездельник! Лоботряс!

– Бездельник, да? – Возмущенный, он хватается ее обеими руками за бедра, что приводит Джемму в неопиcуемый восторг. – А мне казалось, что сегодняшнй день начался с одного очень важного дела, требующего терпения, сноровки и элементарной физической выносливости. Забыла? Придется тебе напомнить...

– Вечером, сладкий мой! Напомнишь мне вечером!

Лиза чувствует, что пришло время вмешаться.

– Вечером? Ну нет! Сегодня вечером он мой. – И, подойдя, обвивает шею Венсана обеими руками. – К тому же он сам сказал, что я могу делать с ним все, что захочу.

По пути в Сидари торг продолжается. Сидящая на переднем сиденье Джемма грациозно перекидывает голую ногу че-

рез колено Венсана. Пальчики Лизы щекочут сзади его шею, забираются за ворот рубашки.

– Знаешь что? Мы должны беречь его. Хорошо кормить, ну и так далее.

– По-твоему, мы его не бережем? Я, например, вчера стирала его майку, которую он спьяну залил Метаكсой.

– Ты стирала СВОЮ майку, – вносит поправку Венсан, – а я просто проходил мимо и подумал...

– ...в любом случае я ее выстирала!

Дорога петляет по крутым горным склонам. Обшарпанный, но резвый «судзуки-самурай» с откидным верхом подпрыгивает на кочках, заставляя пассажиров задуматься о судьбе недавно съеденного завтрака. Под кронами деревьев воздух жаркий, насыщенный запахом трав. Солнечный свет сочится сквозь темно-зеленую листву, пронизывая буквально все, наполняя сиянием каждый уголок этого сказочного мира. Библейская лучезарность... Кто это сказал? Сразу не вспомнишь, но кем бы он ни был, он попал в самую точку.

– А я, – припоминает Лиза, – зашивала его шорты. Он порвал их, когда съехал на заднице с той скалы неподалеку от Ангелокастро... Но я не о том!

– Знаю, знаю! – смеется Джемма. – Не переживай, сестренка, ничего ему не сделается. Да ты посмотри на него: не парень, а загляденье просто. Молодой, здоровый. Его хватит на десятерых таких, как мы.

На все эти провокации Венсан реагирует лишь слабым

подрагиванием рта. Это не улыбка, а отражение каких-то праздных мыслей, мимолетных, точно солнечные блики на стеклах его темных очков.

– Хотя, на мой взгляд, – продолжает Джемма, – это было весьма опрометчиво с его стороны: заявить, что ты можешь делать с ним все, что заблагорассудится. А вдруг ты окажешься такой изобретательной, что уже через пять минут он пожалеет о своих словах?

– Сделаю для этого все возможное и невозможное.

– Бедный мальчик! Будет ли мне позволено присутствовать при жертвоприношении?

С отсутствующим видом, как будто речь вовсе не о нем, Венсан кидает в рот одну из лакричных конфеток, при помощи которых рассчитывает сократить количество потребляемых за день сигарет. С необходимыми предосторожностями выруливает с грунтовой дороги на асфальтированную, внимательно изучает дорожный указатель и, поскольку выбирать особо не из чего, сворачивает налево, на Дукадес.

– И все же не забывай, дорогая, что он нужен нам не только в качестве жертвенного животного, но и...

Часть слов тонет в грохоте промчавшегося по встречной полосе фермерского грузовичка. И как только греки умудряются развивать подобную скорость на этих козьих тропах, которые они называют дорогами?

– ...сейчас еще только начало июля, впереди все лето, так что если мы, боже упаси, угробим нашего Адониса, нам при-

дется искать себе нового.

Венсан тяжело вздыхает. Выплевывает конфетку и лезет в карман за сигаретами. Эти ужасные женщины угомонятся когда-нибудь или нет?

– Смотри-ка, похоже, нам удалось его напугать. Венсан, голубчик, не принимай это близко к сердцу. Подумай сам, что может случиться? Ну, полежишь денек-другой в постели. Мы будем хорошо за тобой ухаживать: поить, кормить...

– Ах, *chere*, ну не молчи же так сурово. Скажи что-нибудь. Скажи, что любишь нас.

– Бесстыжие шлюхи, – произносит он вместе с зевком. – Вампирши.

На третий день знакомства Джемма спросила:

– А что ты вообще здесь делаешь? Просто отдыхаешь?

– Ну... да, – с запинкой ответила Лиза. Ей страсть как не хотелось отвечать на все эти неизбежные вопросы. – А что тут такого?

Джемма пристально разглядывала ее, потягивая через соломинку апельсиновый сок. Они сидели за столиком в одном из кафе Листона – длинной, сводчатой галереи, напоминающей парижскую Риволи. Было семь часов вечера, жара понемногу спадала, и узкие улочки и засаженные деревьями площади Керкиры заполнили толпы туристов, жаждущих развлечений. Рестораны, сувенирные лавочки, эстрада под открытым небом, аллеи, фонтаны... И две женщины

за столиком, испытывающие непреодолимое влечение друг к другу. Словно дети одной матери, разлученные в младенческом возрасте: узнаешь меня, сестра? узнаешь?.. Это таинственное нечто, так похожее на зов крови, но не являющееся им, пленяло и ароматом сексуальности, и первобытным, интуитивным ощущением богоугодности их нелепой на первый взгляд связи. Да-да, древние боги улыбались, глядя на них сквозь пелену и муть источаемой всем родом человеческим безнадежной суетности, и от этой улыбки им становилось легко и спокойно.

– Молодая, красивая женщина приезжает на пару недель на маленький греческий остров и внезапно решает остаться на все лето. Хм-м... – Глаза Джеммы сощурились. – Ловишь рыбку в мутной воде?

– Мутной воды я пока что не видела, да и остров не такой уж маленький.

– Но ты здесь совсем одна!

– А ты разве не одна?

– У меня есть спонсор, – насмешливо улыбнулась Джемма. – Шестидесятилетний промышленный магнат. Сейчас он в Майами.

– Ничего себе, – пробормотала Лиза, толком не понимая, восхитило ее это или обескуражило.

– Думаю, у него в активе еще дюжина таких, как я, но пока он не потерял ко мне интерес...

– А когда потеряет?

– Найдется другой промышленный магнат. Или банкир. Или просто какой-нибудь престарелый мафиози, готовый платить за то, чтобы ему ежедневно массировали его дряблую задницу.

Лиза почувствовала, что должна что-то сказать в ответ. Поделиться чем-то из сокровищницы своего прошлого, где каждый камешек, не закапанный кровью, полит горючими слезами и забрызган блевотиной.

– У меня нет спонсора. Весной я продала квартиру, которую отсудила у бывшего мужа. Жить в ней я все равно бы не смогла, ну и на эти деньги...

Она увидела лицо Джеммы и замолчала. Взгляд мгновенно увлажнившихся глаз взывал о милости: «Бога ради, избавь меня... эти семейные драмы...» Действительно, выслушивать такое не очень приятно. С другой стороны, она ведь сама спросила. Спросила и тут же испугалась. Что ж, бывает.

– Забудь об этом, Элиза, – прошептала Джемма, ласково касаясь ее руки. – Всем нам приходится что-то забывать. Это нелегко, но... надо же как-то жить дальше. Забудь, расслабься, разреши себе снова быть счастливой.

– А ты? – спросила Лиза, проглотив комок. – Ты сможешь снова быть счастливой?

– Я помогу тебе, а ты поможешь мне. И никаких жалоб и причитаний, договорились?

Прекрасное правило, и следовать ему оказалось легко и просто. Сбрасывая с себя короткий пляжный халатик, сбро-

сидеть заодно и кожу. Всю эту мерзкую чешую с налипшей со всех сторон слизью и грязью, что выросла за последние несколько лет. Шесть? Семь? Какая разница... Главное, что теперь все это следовало счистить, соскрести, соскоблить. Умереть и родиться заново, как в древних мистериях. Омыть в этих божественных водах тело и душу, а потом выйти из пены морской и промолвить с безмятежной улыбкой: «Вот я!»

Отплывая на порядочное расстояние от берега и оттуда оглядываясь на лесистые склоны гор, на острые верхушки кипарисов, белые стены и оранжевые черепичные крыши домиков, тонущих в этом изумрудном великолепии, Лиза буквально задыхалась от счастья. А зрелище повторяющихся изо дня в день восходов и закатов, которые они с Джеммой наблюдали с узкого моста, соединяющего Канони с Перамой, или со смотровой площадки напротив острова Понтикони-си, неизменно погружало ее в мистический экстаз. Прошлое отваливалось от нее кусками, оставляя на память астральные струпья и шрамы, и если им суждено когда-нибудь затянуться, то только здесь. Только здесь.

Крит прекрасен, но суров. Место, где начинаешь задумываться о смысле жизни, о парадоксах времени, о божественном провидении, об истоках бытия. Корфу – это царство тропической зелени, пронизывающего все и вся волшебного света. Эдемский сад. Летняя резиденция Диониса. На Крите слышна музыка сфер, на Корфу – флейты Пана.

Ей вспоминались строки из книги – лучшей книги о Греции, которую она когда-либо читала: «Здесь свет обладает сверхъестественным свойством: это не просто свет Средиземноморья, это нечто непостижимое, нечто священное. Здесь свет проникает прямо в душу, и ты, нагой и беззащитный, погружаешься в метафизическое блаженство, где все становится ясным безо всякого знания. Невротик здесь или окончательно исцелится, или сойдет с ума»⁷. Примерно так...

Однажды их занесло в район Палеокастрицы на западном побережье острова, и там, в маленькой гавани, расположенной в заливе Антипас, они наконец-то поняли, что нашли свой чертог блаженства, свой Асгард, свой Авалон. Песчаные бухточки, разделенные крутыми утесами; тропинки, змейками спускающиеся к уединенным пляжам... Бросив на песок свою полотняную с бахромой сумку, Джемма объявила, что собирается провести здесь ближайшие лет пятьдесят.

В гавани швартовались прогулочные катера и яхты. Кому приедались красоты Афионеса и Арилласа, могли отправиться дальше, к островам Диапонтия, что тоже гарантировало массу впечатлений. Кроме того, здешний подводный мир привлекал любителей дайвинга – их моторные лодки зависали на якоре вблизи каменистых островков у подножия скалы, на вершине которой белели высокие стены монасты-

⁷ Г. Миллер. Колосс Маруссийский.

ря Палеокастрица.

Они заметили этого парня одновременно. Лизу пленила неторопливая грация его движений, свойственная аборигенам какого-нибудь богом забытого архипелага, чье основное занятие – ритуальные танцы и сбор кокосовых орехов. Некуда спешить, незачем напрягаться. Привстав на локте, она наблюдала за тем, как он выбирается из лодки, закидывает на плечо брезентовую сумку со всем своим водолазным снаряжением, расхлябанной походочкой довольного жизнью бездельника шествует по пирсу, а когда повернулась, чтобы обратить на него внимание Джеммы, увидела, что та уже напряглась, словно пума на охоте, и разве что не бьет по цинковке хвостом.

– Интересный парень, правда?

– Интересный? – удивилась Лиза. – Мы же его совсем не знаем.

– А я считаю, что мы знаем достаточно. Он молод, здоров, состоятелен...

– С чего ты взяла?

– Дайвинг – развлечение не для бедных. Маска с трубкой, акваланг, гидрокостюм... ты заметила, что у него все свое? И он приехал на машине.

– Ну и что? Здесь полно прокатных контор.

– У него вид... – Джемма покусала нижнюю губу, – не как у туриста, живущего в отеле. Он прошелся по пирсу, потом по пляжу, мимо зонтиков, мимо кафе... ни с кем не здоро-

ваясь, ни на кого не глядя... взобрался на горочку и двинул прямиком к стоянке. Он никого здесь не знает, как и мы. Он приехал просто понырять.

– А завтра, интересно, придет?

Он приехал. С тем же независимым видом пронес свою сумку мимо любителей пива и солнечных ванн, забрался в лодку, что-то там поперекладывал с места на место, завел мотор, лихо развернулся... Лиза и Джемма, ради такого случая не поленившиеся сняться с насиженного места и перебраться поближе к пирсу, дружно застонали от отчаяния. Им даже не удалось разглядеть его лица. Вспенивая морскую гладь, белая с красной полосой лодка на хорошей скорости вышла из гавани и скрылась за ближайшим мысом.

– Похоже, лодка его собственная, – пробормотала Джемма, прикладываясь к бутылке с минеральной водой. – Или он арендовал ее на какой-то срок. Сумка у него, конечно, здоровенная, но навряд ли он таскает с собой кислородные баллоны. Скорее всего оставляет в лодке, зная, что за ней присматривают. Говорю тебе, это мужик с деньгами.

– Даже если и так, зачем он тебе здесь, на Корфу? Ты же приехала отдохнуть.

– Вот именно. И я хочу сделать свой отдых, а заодно и твой, как можно более комфортным. Скажи честно, тебе нравится тот задрипанный городской отельчик, в котором ты остановилась? Вот и мне не особенно. Что делать? Давай подумаем вместе. Сейчас начало июня, туристов с каж-

дым днем становится все больше и больше, приличные отели предпочитают иметь дело с туроператорами, бронирующими номера задолго до начала курортного сезона. Но быть может, отель не единственное жилье, пригодное для обитания? Что скажешь, к примеру, о небольшом особнячке?

– Особнячке? – оторопела Лиза.

Джемма рассмеялась своим мелодичным смехом.

– Да-да, о скромном двухэтажном особнячке среди олив. Не понимаешь? Сейчас поймешь.

И она поделилась тем, что было у нее на уме.

Остров Керкира, или Корфу, представляет собой серп, длина которого всего-навсего шестьдесят километров, а ширина колеблется от четырех километров до тридцати. Долины и отдельные возвышенности на юге, теснящие друг друга горные хребты на севере, разбросанные по склонам гор бесчисленные деревушки... и практически в каждой, а если не в самой деревне, то поблизости – величественные старинные особняки. Большинство из них закрыты и необитаемы. Нынешние владельцы особняков – потомки низложенной Наполеоном Бонапартом венецианской знати – большую часть времени проживают в Керкире. Возможно, кто-то из них согласится сдать свой особнячок в аренду до конца сезона, а кто-то наверняка делает это уже не первый год.

– И сколько за это могут запросить? – поинтересовалась Лиза.

– Понятия не имею. Надо разговаривать.

– А... ясно.

– Я знаю, о чем ты думаешь, Элиза, – терпеливо произнесла Джемма, – но это не так, поверь. Я не хочу, чтобы этот парень нас содержал. Я хочу, чтобы он стал нашим компаньоном.

– Почему именно он?

– Не знаю. – Смеясь, она пожала плечами. – Просто он единственный мужчина на этом острове, при виде которого у меня не возникает рвотный рефлекс.

– Мужененавистница, – фыркнула Лиза, подталкивая ее в бок.

Джемма скорчила гримаску.

– От такой же и слышу.

День прошел бездарно. Короткие заплывы, сладкая дрема под пляжными зонтиками, обед в ближайшей таверне, снова дрема... Отлежав себе все места, Лиза решила сплывать за мыс, посмотреть, что там. Джемма осталась читать книжку.

Она обогнула мыс и оказалась в бухте чуть меньшего размера, чем предыдущая, с узкой полосой пляжа и большим количеством торчащих из воды скользких каменных глыб. Там-то, среди этого скопления камней, и отыскался занимающий их мысли нелюдимый дайвер. Его белая лодка с красной полосой на борту одиноко покачивалась на волнах. Не волны даже, а так, дыхание моря: лизнуть подножие черного камня, поколебать лохматые ленты водорослей, поднимающиеся из глубины...

Ухватившись за правый борт лодки, Лиза оглянулась по сторонам. Нигде никого. А что ты высматриваешь, интересно знать? Перископ, что ли?

Некоторое время она висела в пронизанной солнцем толще воды, лениво перебирая ногами, и уже думала убираться восвояси, как вдруг вода по левому борту заволновалась, забурлила и выпустила на поверхность пучеглазое чудовище. Вернее, человека, причем довольно привлекательного, как выяснилось впоследствии. Чудовищем его делали маска, трубка и акваланг.

Он вытащил изо рта загубник, снял маску и вежливо проговорил:

— Il fait beau aujourd'hui⁸.

Голос хриплый после погружения, но дыхание ровное. Где-то она читала, что такая вот болезненная хрипотца в голосе мужчины завораживает женщину. Может, и так. Но сейчас преобладающим чувством ее была растерянность.

— Извините, — сказала она, продолжая цепляться за борт. — Я просто устала. — И добавила жалобным голосом: — Пожалуйста, говорите по-английски.

— Нет проблем. Вы англичанка? А как вас зовут?

— Лиза. Элизабет. Не англичанка, нет. Я здесь с подружкой. Ее зовут Джемма. — (К чему этот поток слов? Он спросил просто из вежливости...) — Она осталась там, на пляже. А вы?..

⁸ Славная погодка сегодня (франц.).

– Венсан. – Он сделал паузу. – Этого достаточно?

– Вполне.

Разделенные корпусом лодки, они с любопытством разглядывали друг друга.

Этого достаточно?.. Смотря для чего, мой принц. Смотря для чего.

Джемма права, в нем что-то есть. Даже сейчас, когда он болтается за бортом мокрый, как тюлень, с покрасневшими от морской соли глазами. Смуглая от загара шея охвачена золотой цепочкой, горячей на солнце. Длинные волосы зачесаны назад и собраны в хвост.

– А вам не страшно там, внизу? – спросила Лиза.

И тут же обругала себя за глупость. Страшно – не страшно... Что за детский сад?

– Страшно только в первый раз, – ответил он без улыбки. – Потом это проходит.

– Там темно?

– На больших глубинах. Но я стараюсь не уходить на большие глубины, там мало интересного. Мой личный рекорд – шестьдесят метров.

– Ого!

– Да нет, это немного.

Лиза спросила себя, что делать дальше, и поняла, что не знает. Парень ей совершенно не помогал.

– Извините, – сказала она еще раз. – Мне пора.

Он слегка наклонил голову.

– Приятно было познакомиться.

– Мне тоже.

Когда она уже оттолкнулась от лодки и легла на воду, он бросил ей вслед несколько слов на французском языке. Часть из них она не расслышала, а те, что расслышала, не поняла. Ладно, не возвращаться же из-за этого. К тому же она вроде бы намекнула, что предпочитает английский. Будем считать, что он разговаривал сам с собой. И вообще этот Ихтиандр слишком много о себе воображает. Пора уже, в самом деле, выкинуть его из головы. *Этого достаточно?* Вот подлец!

Однако выкинуть подлеца из головы оказалось не так-то просто, и когда она подплывала к берегу, его гортанная французская речь с раскатистым «г» продолжала звучать у нее в ушах.

Джемма с интересом выслушала ее рассказ и воскликнула радостно:

– Дело идет на лад!

– Ты так думаешь?

– Уверена.

– Вот бы мне немного твоей уверенности...

В седьмом часу вечера Мистер Совершенство засобирался домой. Увидев, как он швартуется к причалу, Лиза подпрыгнула и потянула за руку сонно моргающую Джемму.

– Пошли!

– Куда?

– Подойдем поближе к воде.

Ей хотелось, чтобы он увидел их вместе.

И он увидел. Прошелся по пирсу до песчаного берега, повернул голову на звонкий женский смех и наконец-то увидел их у самой кромки воды: высокую, коротко стриженную блондинку с мальчишеской фигурой, а рядом с ней... ох, ну просто сногшибательную знойную брюнетку с агатовыми глазами и телом Анадиомены.

Лиза помахала ему рукой. Он узнал ее и кивнул. Помедлил, очарованный соблазнительным контрастом представших перед ним практически обнаженных тел. Вздохнул, с усмешкой покачал головой, перекинул сумку с правого плеча на левое и направился к стоянке. Он уже не был мокрым и прошел буквально в двух шагах, так что им наконец удалось его разглядеть. Выгоревшие на солнце мелированные волосы, правильные черты лица...

– Он похож на этого футболиста, – сказала Джемма, – ну, как его... Бэкхем!

– Брось! – фыркнула Лиза, мысленно соглашаясь с ее резолюцией.

– Правда-правда.

Вечер они провели в мечтах о прекрасном ныряльщике, а в десять утра были уже в заливе Антипас. Сидели под зонтиком, не спуская глаз с каменистой тропы, ведущей от автомобильной стоянки к пляжу, и даже не лезли в воду, боясь пропустить его появление.

В конце концов Джемма не выдержала и опрометью ки-

нулась к полосе прибоя, пообещав окунуться по-быстрому и сразу назад. Тут-то он и появился. Тень его легла на песок рядом с Лизиной циновкой, туда же брякнулась сумка, а за сумкой он сам.

– *Bonjour*, – зазвучал знакомый хриловатый голос. – *Comment a va?*⁹

– Спасибо, неплохо, – откликнулась Лиза, мужественно встретив его взгляд. – Кажется, я просила вас говорить по-английски.

Берилловая зелень его глаз, обрамленных черными загнутыми ресницами, поразила ее даже в большей степени, чем сходство со звездой британского футбола, подмеченное Джеммой. Необыкновенные глаза! Накануне, перебрасываясь с ним дурацкими фразами в живописной бухте, где он играл в Жака-Ива Кусто, она этого не оценила.

– И все же вы меня понимаете.

– Я изучала французский в школе. Но это было так давно!

Его глаза продолжали внимательно, без тени смущения изучать ее: грудь, плечи, бедра... И хотя Лиза отлично знала, что стесняться ей нечего, она чувствовала себя охваченной странным трепетом. Как юная барышня на первом балу.

– Давно? – переспросил он, не спуская глаз с ее лица. – Не может быть.

– Увы.

– В таком случае вы неплохо сохранились.

⁹ Здравствуйте. Как дела? Как поживаете? (*франц.*).

Она натянуто улыбнулась.

Этот первый момент, фактически предопределяющий развитие ваших дальнейших взаимоотношений... Когда он вроде бы нравится тебе, но ты ничегошеньки о нем не знаешь. Быть может, он способен на убийство. Быть может, на обман. Не исключено, что где-то на материке у него осталась брошенная жена с ребенком, и он уклоняется от уплаты алиментов. Он мог ограбить ювелирный магазин, изнасиловать малолетку... да мало ли что еще!

–*Soit*¹⁰. – Он встал, отряхнул джинсы и потянулся за сумкой. – Пойду проведаю своих подруг-русалок. Удачного дня!

Выходящая из воды Джемма едва успела крикнуть: «Привет!» (Венсан услышал и помахал в ответ, но даже не подумал вернуться), после чего осталось только стоять и смотреть ему вслед, цедя сквозь зубы смачные итальянские ругательства.

– Не переживай ты так, – сказала ей Лиза. – Он же сам подошел. Значит, подойдет еще раз.

Джемма вздохнула:

– У мерзавца правильная походка. – Взгляд ее был прикован к его мускулистой заднице, обтянутой джинсовой тканью. – Думаю, он неплохо танцует.

Лиза вздохнула тоже, любуясь уже не Венсаном, а самой Джеммой. Рассерженная, возбужденная, та была чудо как хороша. Капли воды блестели на округлых загорелых плечах.

¹⁰ Ладно (франц.).

Мокрый купальник облепил тело, уже не прикрывая, а подчеркивая то, что по идее должен был прикрывать.

– Поцелуй меня, Элиза, – вдруг торопливо прошептала Джемма и заключила Лизу в объятия. – Он смотрит на нас.

– Но...

– Давай же!

Стоя по щиколотку в воде, они целовались, шокируя отдыхающих, а потом услышали, как взревел мотор, и повернули головы, чтобы еще раз взглянуть на знакомую лодку, ракетой уходящую в открытое море.

Пообедать решили в таверне на берегу. То есть не совсем на берегу, чуть выше по склону горы, но береговая линия с веранды просматривалась отлично, так что, уписывая свиную отбивную и салат по-гречески, можно было спокойно наблюдать за перемещением по заливу лодок, катамаранов, надувных матрасов и пловцов. Под потолком жужжали огромные вентиляторы, но в три часа дня это не спасало от жары. Чтобы чувствовать себя человеком, а не выброшенной на берег рыбой, приходилось то и дело промакивать салфеткой лицо и поминутно прикладываться к запотевшей бутылке с ледяной, только что из холодильника, минеральной водой. Лазурное, без единого облачка небо, ласковый шепот волн, головокружительный аромат растущих повсюду островных великанов-кипарисов... покой, забвение, безмятежность – о, дивный остров, благословенная Керкира, рай на земле!

– Ой, – вдруг сказала Джемма. И уткнулась в свою тарелку. – Не оглядывайся. Он за твоей спиной.

Лиза замерла с вилкой в руке. Салат вдруг показался ей безвкусным.

– Сел за столик... – вполголоса докладывала Джемма. – Читает меню... ага, заказывает что-то... увидел нас... – Она расплылась в улыбке, всем видом изображая безумный восторг. – Нет, он не собирается присоединиться к нам... полез в карман за сигаретами... сидит и курит, как будто нас здесь нет... вот сволочь!

Покончив со свининой и всем прочим, они малость передохнули и только начали размышлять о десерте, когда отобедавший в гордом одиночестве Венсан подошел и спросил, может ли он предложить дамам кофе. Джемма тотчас ожилилась, глаза ее заблестели. Ну да, разумеется, кофе с ликером – это как раз то, что нужно в такую жару...

С почти забытым за последнее время чувством смятения, какое охватывало ее всякий раз при виде интересного мужчины, Лиза следила за тем, как этот клон Дэвида Бэкхема подсаживается к столику, пробегает глазами меню, обращается с вопросом сначала к Джемме, потом к ней (она молча кивает), подзывает официанта... «А дальше, что же дальше?» – спрашивала она себя, с бьющимся сердцем глядя на лица этих двоих. Двусмысленные шуточки, тихий смех, быстрые взгляды из-под ресниц. «Что будет, если сейчас мы примем решение остаться вместе?»

Очнувшись, Лиза услышала, что они говорят об отелях, частных домах и прочем жилье, доступном среднему туристу. Джемма все-таки умудрилась направить беседу в нужное ей русло. Выяснилось, что Венсан снимает комнаты у знакомого фермера из Лиападеса. До моря далековато, но у него есть машина, которую он взял в одной из прокатных контор на побережье, и, поскольку он заранее знал, что она понадобится ему до конца сентября, получилось фантастически дешево. Да, он намерен пожить здесь некоторое время. У него был чертовски трудный год, и теперь ему требуется передышка.

Пока он говорил, Лиза все пыталась разглядеть, что же у него на цепочке. Крест? Амулет от сглаза? Наконец он опустил руку с сигаретой, откинулся на спинку стула, ворот его рубашки распахнулся, и она увидела – нет, это просто невозможно! – настоящую гностическую гемму с изображенным на ней змеем. Забыв про кофе, Лиза подалась вперед. Да, точно, сомнений быть не может. Змей с двенадцатилучевой короной на львиной голове. Агатодемон средневековых алхимиков.

– Знаете, что это? – спокойно спросил Венсан.

С трудом Лиза заставила себя отвести взгляд.

– Змеевидный демон хтонического плодородия. Демон, дающий силы и здоровье. – Она заметила, что капелька кофе угодила ей на майку и тут же впиталась, оставив коричневое пятнышко. – Дух-покровитель магической процедуры.

На минуту воцарилось молчание. Озадаченная Джемма хмурила брови и нетерпеливо покусывала нижнюю губу. Ей хотелось продолжить разговор об аренде недвижимости, но она боялась спугнуть птичку.

Венсан вернулся к этому вопросу без каких-либо намеков с ее стороны. Комнаты в хозяйском доме – это, конечно, хорошо, но если собираешься провести здесь больше чем две недели, есть смысл поискать более уютное и комфортабельное жилище. Да-да, эти старые особняки на склонах гор... вот бы поселиться в одном из них. Последнее время он только об этом и думает, своего рода *idee fixe*¹¹.

– О! – сказала Джемма, уже не скрывая своего интереса. – Так вы об этом думали. И что же?

– Слишком дорого.

– Для одного – пожалуй. – Она сделала паузу. – А если разделить расходы на троих...

Настал его черед умолкнуть и окинуть испытующим взглядом сначала брюнетку, потом блондинку – что у них на уме?

– Не обязательно давать ответ прямо сейчас, – улыбнулась Джемма. – Мы готовы подождать до завтра.

Венсан побарабанил пальцами по столу. Прищурил глаза, исполненный готовности разоблачить любую ложь, какой безнравственные красотки рискнут попотчевать его.

– А кто вы такие? Чем занимаетесь?

¹¹ Навязчивая идея (*франц.*).

С очаровательной гримаской Джемма пожала плечами:

– Да, в сущности, ничем. Я любовница богатого человека.

А это, – она кивком указала на Лизу, – просто мелкая авантюристка, которая развела на деньги своего бывшего мужа.

Плечи Лизы задрожали от сдерживаемого смеха, и она поспешила поставить чашку на стол, чтобы окончательно не погубить свою новую маечку от Moschino.

– Почему вы смеетесь? – удивился Венсан. – Это неправда?

– Правда, правда... – всхлипнула Лиза, утирая глаза. – Истинная правда.

– В таком случае незачем ждать до завтра. Я согласен.

– Bravo! – воскликнула Джемма, выпрямляясь на стуле. – Когда мы начнем?

– Смотреть дома? Да хоть сейчас. – Венсан достал из кармана сотовый телефон. – Я только созвонюсь с одним старым знакомым.

С самого начала они поставили перед собой совершенно конкретную задачу: отыскать не слишком ветхий дом с водопроводом и канализацией, как можно ближе к Палеокастрице. И с помощью агента, которого привлек Венсан, им это вскоре удалось. Собственно, дом, в котором они в итоге поселились, был первым среди предложенных шустрому Костасом, и они моментально поняли, что он им подходит, но для очистки совести осмотрели еще пару домов неподалеку от Крини.

Все эти дома венецианского типа, распространенные практически повсеместно в Греции и на островах, были сложены из камня и покрыты черепичной кровлей. Простая планировка, минимум декора. В большинстве случаев на второй этаж можно было попасть только пройдя через первый, однако некоторые дома имели более поздние пристройки в виде каменных лестниц, оканчивающихся крытыми площадками «бонтзо», которые вели в жилые помещения верхнего этажа, а также сообщались с верхними и нижними типично греческими верандами «лиакото» или «илиакос». Эти «илиакос», или «солнечные комнаты», при грамотной планировке позволяли зимнему солнцу беспрепятственно проникать в дом, а летом, когда солнце стоит высоко, образовывали уютные тенистые оазисы.

Ступая по щербатым каменным плитам, дотрагиваясь до нагретых солнцем деревянных перил, Лиза не могла избавиться от грустных мыслей. Она думала о хозяевах этих прекрасных особняков. Когда-то все они числились в списках *Libro d'Oro*¹², а теперь их родовые гербы можно встретить только в архивах музейных библиотек.

– О'кей, – сказал Венсан агенту. – Нам это подходит. Мы готовы внести арендную плату... когда, девочки? Завтра утром.

¹² Перечень проживающих на острове знатных венецианских семей, сожженный республиканцами Наполеона Бонапарта.

Так началось их *menage a trois*¹³.

Совместные походы по музеям, рынкам и магазинам; обе-ды и ужины в самых разных тавернах по всему острову; общий быт с неизбежной стиркой, уборкой, мытьем посуды и прочими радостями жизни (раз в три дня из ближайшей деревни приходила молодая гречанка Афродита, которая мыла полы во всех комнатах, выбивала половики и так далее, но кто-то же должен был ликвидировать бардак, образующийся в промежутках между ее визитами) – все это не то чтобы напрягало, но требовало определенных навыков общения. Скрытной, недоверчивой Лизе, у которой и в Москве-то было не слишком много друзей, пришлось убеждать себя в том, что Корфу – необыкновенный остров, с людьми здесь происходят самые невероятные вещи, и у нее тоже все будет по-другому. Как ни странно, это сработало.

¹³ Любовный треугольник, жить втроем (*франц.*).

Глава 2

Лежа на плоской, как ладонь, вершине скалы, образующей мыс, Лиза прикрывает лицо соломенной шляпкой и слушает, как внизу, в воде, плещутся и вопят Джемма с Венсаном. Что ж, все получилось. Самый продолжительный отпуск в ее жизни оказался и самым удачным. Итальянская подруга нежна и внимательна, без примеси назойливости. Французский приятель неистов в постели и уравновешен в быту. Интересно, как долго продлится это счастье *au bord de la mer*¹⁴?

– Знаете, что нас спасает? – спросила Джемма в один из теплых, благоуханных вечеров, когда они все вместе сидели на веранде, потягивая Метаксу. – То, что мы ничего не знаем друг о друге. Мы не лгуны, не воры, не тупицы, не интриганы, не трусы, не мошенники... о нет, ни в коем случае, ведь доказательства отсутствуют! Здесь, на Корфу, мы можем быть какими угодно. Мы можем начать все с чистого листа. У нас нет прошлого. Мы невинны.

Тогда Лиза не придавала этому особого значения, однако слова не забылись. Невиновны, невинны... есть разница или нет? Невинны – это что-то ветхозаветное, состояние до грехопадения. А невиновны – скорее термин судопроизводства.

¹⁴ У берега моря (франц.).

Если некто, совершив преступление, умудрился уйти от ответственности и суд присяжных объявил его невиновным... Господи, да при чем тут преступление? Что за мысли лезут в голову среди бела дня на берегу Ионического моря?

Чихая и отфыркиваясь, на мыс забирается Джемма, несколько минут отплясывает на горячих камнях, давая солнцу подсушить купальник, а потом с блаженным вздохом вытягивается на циновке рядом с Лизой.

– Ну как? – спрашивает та, не открывая глаз.

– Класс! Хотя мне больше понравилось в Сидари.

– Мы были там уже три раза.

– Ну и что? В Антипасае мы вообще были раз сто или двести.

– Мы же там живем, глупая курица!

– Это я-то глупая курица? – Кипя от негодования, большей частью притворного, Джемма наклоняется над простертой на циновке Лизой и кусает ее за грудь. – У-у, ведьма!

Та испускает пронзительный вопль. Отшвыривает в сторону шляпу и хватает обидчицу за горло.

– Ведьма, да? Ну так не приходи больше к ведьме в постель!

– Ишь какие мы обидчивые!

– Значит, ночью я твоя сладкая девочка, а днем – ведьма?

– Ты же не брезгуешь глупой курицей. Почему я должна брезговать ведьмой?

Взобравшийся на скалу Венсан застаёт их за обычной воз-

ней со всякими там шлепками, повизгиваниями и поцелуечиками, но поскольку здесь нет ничего такого, чего бы он не видел раньше, не обращает на это ровным счетом никакого внимания. Преспокойно раскладывает на полотенце свои трофеи (две витые раковины асфальтово-серого цвета с розовой изнанкой и небольшой кусок рыхлой губки), подбирает с земли отброшенную Лизой шляпу, надвигает на глаза и не спеша подходит к выступающему краю мыса.

Он стоит, поджарый и гибкий, как акробат, с мускулатурой, развитой чуть больше, чем это необходимо для манипуляций с кислородными баллонами. С его длинных волос, собранных в хвост, капает вода. Крепкие ягодицы, обтянутые черной эластичной тканью плавок, заставляют женщин на пляже смотреть ему вслед. Он неразговорчив, но и не угрюм. Любит спонтанный секс в любое время суток, симфоническую музыку, сухое красное вино, легкие завтраки, удобную одежду из натуральных тканей, дорогие сигареты и ни к чему не обязывающие отношения. Хорош он или плох? Отзывчив или равнодушен? Можно ли на него положиться? Стоит ли ему доверять?..

Они договорились не задавать друг другу вопросов, надеясь, что отношения, выстроенные на основе слепого доверия, не омраченные ни подозрениями, ни взаимными обязательствами, окажутся более жизнеспособными, нежели их традиционные аналоги. Закрывать глаза и повернуться к прошлому спиной – ведь если его невозможно изменить, следует

его попросту игнорировать! В каком-то смысле эта политика себя оправдала. Они все еще вместе. Им не в чем упрекнуть друг друга. Их ничто не связывает – ничто, кроме удовольствий. Райская жизнь.

Однако где есть табу, там будут и попытки его нарушить. Это общеизвестно. И первым нарушителем оказался Венсан, хотя его-то уж никак нельзя было обвинить в чрезмерной болтливости. Однажды вечером он набрался и рассказал о том, как несколько лет назад чуть не угодил на скамью подсудимых по обвинению в убийстве, которого не совершал. К счастью, убийца оказался клиническим идиотом, в полном смысле этого слова, так что его быстро разоблачили и закатали в психушку.

Джемма пришла в ярость: «Мы что, собрались тут рассказывать друг другу страшные истории в духе старины Хичкокка?» – но быстро успокоилась и поведала о своем не очень счастливом детстве на Сицилии. Вот, собственно, и все. Один эпизод из жизни женщины, один эпизод из жизни мужчины. Больше воспоминаниям никто не предавался. Невинность... Что ж, похоже, это и в самом деле неплохая идея.

Перегревшись на солнце, Лиза идет купаться. Венсан догоняет ее, на ходу как бы невзначай касается ладонью ягодиц. Легонько стискивает и тут же отпускает. Это намек. Улыбаясь уголками рта, Лиза замедляет шаг, косит на него краем глаза: «Не шутишь, ковбой?»

Нет, он не шутит. В его глазах плещется жидкий огонь,

белые зубы обнажены в злодейской усмешке. Он хочет одну из своих женщин и хочет немедленно. Вот только где? Стоя на каменистой тропинке, в том месте, где мыс примыкает к склону горы, они беспомощно озираются, изнемогая от нетерпения. Наконец Венсан хватается ее за руку и тащит по тропе вниз. Теперь и она припоминает: там, среди громадных каменных глыб, есть более-менее укромное местечко.

Его губы... его горячие пальцы, проникающие в самую сердцевину цветка... Она чувствует дрожь своих бедер, когда он входит в нее с легким стоном, и наклоняется еще ниже, цепляясь руками за камни, чтобы не упасть. Оба сгорают от похоти. С обоих ручьями струится пот. В ослепительном свете дня одинокие пловцы имеют возможность издали полюбоваться змеиным танцем их гибких, загорелых тел, в то время как пешим странникам, передвигающимся по берегу, это зрелище недоступно.

Яркий солнечный свет, ленивый плеск волн почти у самых ног, поблескивание слюдяных крапинок в трещинах камней... тяжелое дыхание, ритмичное движение бедер, невнятные возгласы, свидетельствующие о нарастающем возбуждении...

— *C'est un vrai paradis!*¹⁵ — со стоном выдыхает Венсан, добросовестно отвешивая своей подруге несколько шлепков по разгоряченным ягодицам. Для остроты ощущений. — Ты согласна, любовь моя?

¹⁵ Это настоящий рай! (франц.)

– О боже, да, – отвечает Лиза слабым голосом, пробуя представить себя со стороны. Задница смотрит в небо, волосы метут побелевший от морской соли камень. – Да, мой герой. Ты – лучшее, что есть в моей жизни. Не считая той итальянской шлюхи, которая балдеет сейчас на солнышке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.